

На правах рукописи

Аникеева Татьяна Александровна

**Устные и книжные элементы
в тюркской традиционной словесности:
турецкая городская повесть**

Специальность 10.01.09. – Фольклористика

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 2007

003 158322

Работа выполнена в Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Неклюдов Сергей Юрьевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, член-корр. РАН Рифтин Борис Львович
кандидат филологических наук Возякова Наталья Владимировна

Ведущая организация:

Институт стран Азии и Африки МГУ

Защита состоится 11 октября 2007 г в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.04 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан « ____ » 2007 г

Ученый секретарь

диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

В Я. Малкина

Общая характеристика работы

Традиционно распространенная не только на востоке Турции (в Анатолии), но и на соседних территориях Азербайджана и Ирана, турецкая народная повесть (*halk hikâyesi*, далее *хикяйе*) представляет собой прозаический текст новеллистического или фантастического содержания с поэтическими фрагментами, некогда бытовавший исключительно в устной форме, а впоследствии записанный. Подобные повествования в устном или письменном виде являлись неотъемлемой частью турецкой городской культуры, потому *хикяйе* может быть названа также турецкой городской повестью.

Именно одновременное существование в устном и письменном виде (на границе между литературной традицией и фольклором) является характерной чертой турецкой городской повести: зачастую тексты повестей представляют собой фольклоризованные версии известных на Ближнем Востоке литературных сюжетов. Документально подтвержденные свидетельства устного исполнения городской повести относятся к периоду приблизительно с XVIII в. по середину XX в., хотя сами истоки турецкой городской повести как жанра турецкого фольклора исследователи склонны возводить к более раннему времени.

Объектом исследования являются тексты турецких городских повестей, изданные в разное время в Турции в период приблизительно с первой половины XIX в. (литографии) до второй половины XX в. Данный период истории сначала Османской империи, а затем Турции является одним из самых интересных с историко-культурной точки зрения.

Актуальность и изученность темы

Тема диссертации предполагает не только решение вопросов, связанных с историей литературы и фольклора Турции и смежных с ней культурных ареалов, но также обсуждение более общих проблем взаимовлияния устных и книжных традиций, относящихся к теоретической фольклористике.

Вопросы соотношения книжных и устных элементов в фольклорном произведении исследованы довольно широко, причем на материале самых разных восточных литератур монгольских сказаний (С.Ю. Неклюдов), малайских *хикайатов* (Л.В. Горяева), арабского народного романа (А.Б. Куделин), китайских повестей (Б.Л. Рифтин). В то же время по отношению к тюркской словесности данная проблематика исследована мало. Если в самой Турции, а также на Западе, ее еще можно выделить в качестве отдельного направления фольклористических исследований (труды П.Н. Боратава, И. Башгёза, В. Эберхарда, М. Ф. Кепрюлю, О. Шписа, Ф. Тюркмена и др.), то в отечественной туркологии вопросы соотношения устности и книжности (в народных повестях или книжном эпосе) в какой-то мере освещаются лишь в некоторых работах А.Н. Самойловича, Х. Короглы, В.С. Гарбузовой.

Однако, хотя в турецкой науке городская повесть изучена достаточно подробно, обобщающих литературоведческих исследований данного материала не было со времен выхода работ О. Шписа (1929) и П.Н. Боратава (1946). Исследования турецкой народной повести как жанра единичны, характерной чертой турецких работ является обсуждение почти исключительно частных ракурсов ее изучения: отдельные сюжеты городских повестей рассматриваются подробно, но, с одной стороны, вне общей оценки типологических особенностей жанра «народной книги» в мировой литературе, а с другой, вне рассмотрения турецкой народной повести в системе жанров турецкого (вообще тюркского) фольклора и тюркских литератур. Одна из причин этого лежит в турецкой националистической идеологии, господствовавшей в культурной политике Турции первой половины XX в., она положила начало изучению турецкого фольклора, однако она же обусловила и узкую направленность соответствующих исследований.

Одной из важных особенностей турецкой городской повести является одновременное бытование одних и тех же сюжетов как в устном испол-

нении, так и в виде рукописного (впоследствии и печатного) текста Устная традиция исполнения турецкой городской повести продолжала существовать в ряде местностей Турции вплоть до недавнего времени (вторая половина XX в.) В современных зарубежных и отечественных исследованиях турецкого фольклора и, в частности, турецкой городской повести, объектом является именно ее текст в устном бытовании, процесс исполнения, запоминания, передачи различных сюжетных вариантов, зачастую турецкая городская повесть рассматривается в единстве с другим жанром турецкого фольклора, бытовавшим в городской среде, — народным театром (см., например, исследования О Нутку, У Орала, И В Боролиной, Е А Огановой)

Таким образом, назрела очевидная необходимость комплексного анализа турецкой городской повести как особого пограничного жанра, находящегося между фольклором и литературой и представленного в различных сюжетных разновидностях, как специфического текста, выросшего из турецкой (шире — тюркской) фольклорной традиции и подвергнувшегося влиянию зарождавшейся турецкой книжности Необходимо проследить взаимосвязи указанных традиций при развитии турецкой городской повести, ввести ее в круг типологически общих явлений тюркской словесности, которая в свою очередь представляет собой составную часть культурного и литературного наследия Ближнего Востока

Научная новизна работы состоит в том, что турецкая городская повесть рассматривается как особый жанр турецкого фольклора, связанный и с народным театром, и со сказкой, но существующий независимо от них Мы изучаем *хикяйе* в обоих аспектах ее бытования, устном и книжном, используя различные источники (записи, полученные от сказителей в XX в., популярные издания прошлого века, литографии XIX в.) и сравнительный материал (литература и фольклор других тюркских народов), который позволяет вводить *хикяйе* в более широкий типологический контекст Наряду

с литографиями мы включаем в круг источников популярные издания турецкой городской повести, опубликованные массовыми тиражами в Турции и в Болгарии в 1940–1970-е годы, поскольку это позволяет проследить изменения, которые она претерпевала на протяжении достаточно долгого времени, и определить ее наиболее характерные черты

Источники разделяются нами на три основные группы

— литографированные и осуществленные типографским способом издания турецкой народной повести XIX в ;

— издания турецкой городской повести, выпущенные массовыми тиражами в XX в , ориентированные на самый широкий круг читателей (например, серия *Halk Kitapları* — «Народные книги»),

— публикации текстов, записанных непосредственно от сказителей (записи П Н. Боратава и других фольклористов) Эта группа текстов отражает устное бытование городской повести

Помимо основных источников были также использованы тексты пьес народного театра *karagöz*, опубликованные Х Риттером и Дж Кудретом, тексты турецких сказок (в основном из собрания П Н Боратава), а также ряд других произведений тюркских литератур и тюркского фольклора

Цель исследования определить место и роль городской повести в системе жанров турецкого и — шире — тюркского фольклора и тюркских литератур

Соответственно, главной **задачей исследования** является определение основных характеристик турецкой городской повести как фольклорного жанра (стилистические особенности повествования прозаического текста и поэтических фрагментов городской повести, специфика ее композиционного построения и сюжетно-мотивной структуры), а также выявление закономерностей взаимовлияния между турецкой городской повестью и турецкой литературой

Методологическую основу работы составляет сравнительно-исторический подход к исследуемому явлению: для решения поставленных задач сравнивались различные варианты текстов турецкой городской повести, в разное время изданные или полученные от сказителей. Для выделения жанровых особенностей *хикайе* ряд текстов городской повести был сопоставлен с текстами, содержащими аналогичные сюжеты, но принадлежащими к другим жанрам турецкого фольклора (например, тексты театра *карагез*)

В проведении типологических параллелей между турецкой городской повестью и сходными явлениями в различных литературных традициях мы основываемся на положении Е. М. Мелетинского о необходимости опыта сопоставления пред- и околороманных полуфольклорных форм, каковыми и являются турецкие городские повести, арабские героические жизнеописания (*сират*), малайские приключенческие повести (*хикайат*), китайская повесть (*пинхуа*)

Положения, выносимые на защиту

- 1 Турецкая городская повесть представляет собой крайне неоднородный в жанровом, стилистическом и хронологическом отношении текст, на стилистику и сюжетную структуру которого оказали влияние различные жанры тюркского фольклора и литератур Ближнего Востока
- 2 На бытование турецкой городской повести оказывали существенное влияние исторические и культурные процессы, происходившие в Османской империи (например, реформы эпохи Танзимата), а затем и в Турецкой республике
- 3 Стилистические особенности прозаического текста турецкой городской повести, как правило, связаны с литературной традицией

4 Поэтические фрагменты текста турецкой городской повести тесно связаны с древнейшей тюркской поэтической традицией

Практическое значение работы результаты исследования могут быть использованы как для подготовки спецкурсов и семинаров в вузовском образовательном процессе, так и при осуществлении дальнейших исследований в данной области, в работах по истории турецкой литературы и литератур тюркских народов

Апробация результатов исследования осуществлялась на различных научных конференциях и симпозиумах, в том числе и международных, в Москве (например, 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow, 2005, Дни Египта в РГГУ, 2006), Санкт-Петербурге (Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, России, Европы Актуальные проблемы и перспективы» 4–6 апреля 2006), Майкопе (VI Международная конференция «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций», Республика Адыгея, Майкоп, 3–6 октября 2005) и Стамбуле (Международный симпозиум Университета Мармара «Death in Turkic Cultures», 2004), а также на постоянном семинаре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ «Фольклор и постфольклор структура, типология, семиотика» По материалам диссертационного исследования опубликован ряд работ

Цели и задачи исследования определили *структуру работы*, которая состоит из введения, трех частей, заключения и библиографии

Основное содержание диссертации

Во *Введении* дается обоснование актуальности темы, постановка проблем, обзор литературы и источников

Первая глава «Турецкая городская повесть и литературная традиция» посвящена книжному бытованию турецкой городской повести В данной части работы речь идет о взаимосвязях литературной традиции и турецкой городской повести, а также о влиянии *хикайе* на собственно турецкую литературную традицию, выделяются основные виды формульных словосочетаний.

§ 1 Сюжетно-тематические разновидности турецкой городской повести Героические повести и повести романтического содержания

Существует два сюжетных типа турецкой городской повести, что соответствует и различию в источниках ее текстов Основу турецкой городской повести героического типа, как правило, составляют устные эпические памятники (например, широко распространенный среди огузских народов цикл сказаний о Кероглу), иногда — предания о реальных исторических событиях К так называемому романтическому типу (*sevgi hikâyeleri, sevgi hikâyelerini*) относятся те повести, в основе которых лежит повествование о трагической (в основном) любви, рассказ о жизни *ашика* (влюбленного) и об обретении им поэтического дара Романтический тип городских повестей опирается не только на устный фольклор, но и, в основном, на книжные источники, на литературную средневековую персидскую или арабскую традицию В качестве примера подобных повестей романтического содержания можно привести бытовавшие в Турции городские повести «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин», сюжеты которых пришли в турецкий фольклор из произведений Низами Гянджеви, Амира Хосрова Дехлеви, Абдеррахмана Джамии и других поэтов К романтическим повестям также относятся и такие городские повести как «Эмрах и Сельви» или

«Тахир и Зухра», которые отличаются ярким местным колоритом и не имеют первичного источника в виде какого-либо литературного произведения

Безусловно, четкую грань между героическим и романтическим типами турецкой городской повести порой провести достаточно сложно. Однако существует ряд закономерностей, прослеживающихся довольно четко, в особенности это касается характера так называемых формульных словосочетаний и стилистических клише, которые варьируются в зависимости от типа народной повести. Принято считать, что эти формулы отсылают к устной традиции и играют роль, аналогичную формулам в эпическом поэтическом тексте

§ 2 Формула в прозаическом тексте *хикайе* Формулы, имеющие книжное происхождение Формулы, имеющие устное происхождение Влияние происхождения турецкой городской повести (из устного эпоса или из литературы) на тип формул

О связи данного фольклорного жанра с литературной традицией Ближнего Востока прежде всего свидетельствуют литературные источники турецкой городской повести, обнаруживающиеся в заимствованиях как целых сюжетов, так и стилистических клише. Необходимо отметить, что использование формульных словосочетаний в фольклорном тексте (как правило, эпическом) — достаточно распространенное явление, в том числе и в литературных традициях Ближнего и Среднего Востока. Однако определение формулы применительно к турецкой городской повести (в основном прозаического текста) остается проблемой.

Формулы, заимствованные из книжных источников, являются показателем близости турецкой городской повести к литературной традиции. Такие стилистические клише сохраняются как в записях турецких городских повестей, полученных от рассказчиков-*меддахов*, так и в литографированных и типографских изданиях городских повестей XIX — начала

XX вв. В то же время в изданиях турецких городских повестей, осуществленных после реформы орфографии и уже массовыми тиражами (см., например, издания серии «Halk Kitapları» — «Народные книги», Анкара, болгарского издательства «Народна просвета», София) наблюдается четкая тенденция к упрощению языка повествования: так, наряду с постепенным исчезновением лексических заимствований из арабского языка (и в меньшей степени из персидского) можно наблюдать исчезновение и этих стилистических клише, что в конечном счете означает разрыв с традиционными жанрами повествовательной прозы, бытовавшими на Ближнем и Среднем Востоке. В то же самое время (приблизительно в середине XX в.) практически исчезают и сказители-*меддах*, исполняющие народные повести устно.

В героическом типе турецкой городской повести наиболее устойчивы формулы, которые указывают на устное бытование и происхождение *хикяйе* (возможно, более раннее ее происхождение — по сравнению с повестями романтического типа); это формулы смены эпизодов, обращения рассказчика к слушателям. В то же время в повестях романтического содержания формула может быть заменена книжной цитатой (например, цитированием Корана) или литературным клише.

Турецкую городскую повесть романтического содержания отличает заметно большее, чем в героической повести, количество клише, имеющих книжное происхождение. Эти клише нельзя назвать формулами в строгом, «лордовском» смысле слова, поскольку они, как правило, не имеют ритмической организации, будучи основанными на лексических заимствованиях из арабского или персидского языков, они отсылают к арабской и/или персидской литературной традиции. Зачастую само использование большого количества лексических и грамматических заимствований из персидского языка (в меньшей степени — из арабского) в разговорной, по сути, речи сказителя, при исполнении *хикяйе* становится знаком, с помощью которого он подчеркивает «литературность» рассказываемой истории.

Сохранение в тексте повести большого количества общих мест или клише, имеющих явно книжное происхождение, опровергает предположение о ее исключительно устном бытовании в прошлом и ее родстве с фольклорными жанрами (как полагает Х Короглы), но свидетельствует о значительном влиянии на повести романтического содержания произведений письменной литературы (даже если данные произведения не стали их непосредственным источником — как это было в случае с народными повестями о Лейле и Меджнуне, Фархаде и Ширин или с повестью о Сей-фильмулке) Практическое же отсутствие в прозаическом повествовании формул, основой для которых являются лексические заимствования из персидского и арабского языков, может свидетельствовать в пользу устной природы народной повести героического типа

Посредством формул и стилистических клише турецкая городская повесть демонстрирует один из путей взаимодействия книжной традиции в устную традицию, и наоборот — устной традиции в книжную

§ 3 Книжное бытование турецкой городской повести

Влияние литературной традиции на этот жанр турецкого фольклора стало наиболее очевидным, когда турецкую городскую повесть стали не переписывать, а издавать в виде литографий (первая половина XIX в.), а затем и типографским способом Изменения, происходившие в турецкой литературе и фольклоре в указанный период, в особенности в некоторых формах городского фольклора, невозможно рассматривать вне связи с комплексом конкретных исторических обстоятельств и теми глубокими изменениями, которые произвели реформы на жизнь общества Османской империи первой половины XIX в

Рост тиражей печатных изданий, количества грамотного населения, развитие книгоиздания — все это в конечном счете не могло не привести к падению интереса не только к рукописному искусству, но и к искусству сказителя Можно сказать, что одной из многих причин параллельного су-

существования турецкой городской повести одновременно в двух формах, то есть существования ее как жанра, стало сложившееся соотношение грамотного и неграмотного населения в Османской империи Реформы эпохи Танзимата привели в том числе и к формированию прослойки образованных людей, которые могли читать и приобретать изданные тексты, но в то же время эти реформы не могли охватить все население Турции — большая часть населения городов оставалась неграмотной

Из списков и каталогов изданий турецких типографий того периода видно, что уже во второй половине XIX в среди печатных (изданных типографским способом и литографированных) народных книг, пользовавшихся определенной популярностью среди горожан Османской империи, в целом преобладают *sevgi hikâyeleri* (*sevgi hikâyeleri*), т е городские повести романтического содержания, связанные прежде всего с различными традиционными повествовательными жанрами арабо-, персо- и тюркоязычной литературы

Турецкая городская повесть оказала влияние и на турецкую литературу, в частности, на роман *Таашуук-и Тал'ат ве Фитнат* («Любовь Талата и Фитнат», 1872) Шемседдина Сами, являющийся одним из первых образцов турецкого романа. С *хикâйе* и некоторыми другими образцами городского турецкого фольклора роман «Любовь Талата и Фитнат» сближается по своему сюжету и мотивам (история любви вынужденно разлученных юноши и девушки, завершающаяся трагической развязкой смертью обоих), а также по языку повествования и некоторым особенностям композиционного построения. Помимо общей сюжетной линии (история Талата и Фитнат), роман содержит истории других героев, связанные с общей сюжетной линией лишь формально и вводящиеся в текст романа как рассказ того или иного персонажа, — и это сюжетное построение сближает его не с собственно традицией турецкой городской повести, а скорее с общей повествовательной ближневосточной традицией городского фолькло-

ра, берущей начало в сказках «Тысяча и одной ночи», «Калилы и Димны», «Панчатантры» Такой принцип композиционного построения обуславливает и способ повествования. здесь словно бы присутствует фигура рассказчика, который, как и в городской повести, отмечает смену эпизодов

Вторая глава «Устная традиция и турецкая городская повесть»

посвящена связи *хикяйе* и традиционных устных жанров турецкого фольклора турецкой волшебной сказки, народного театра *карагез*, а также бытованию пословиц и поговорок в тексте городской повести.

§ 1 Турецкая городская повесть и волшебная сказка

Вопрос о соотношении волшебной сказки и городской повести-*хикяйе* является одним из важнейших в изучении турецкого фольклора и литературы до сих пор не вполне ясно, можно ли говорить об их родстве и о существовании преемственности между этими фольклорными жанрами.

Некоторые *хикяйе* (они выделяются в особую категорию так называемых «обрамленных» повестей) включают в себя эпизоды, обнаруживающие явное сюжетное родство со сказкой Например, известная турецкая повесть «Шахмеран» содержит повествование о пещере пророка Сулеймана, рассказ о стране обезьян и стране муравьев, это сказочные сюжеты, широко распространенные в фольклоре Ближнего Востока

Вымышленные географические названия, присутствующие в тексте турецкой городской повести, в большей степени могут свидетельствовать о ее родстве с волшебной сказкой — в основном, это объекты традиционной сказочной ближневосточной космологии (Хиндустан, гора Каф, сад Гюлистан и т д) Характерно, что в отличие от самой сказки, подобные топонимы используются в тексте городской повести наряду с реально существующими географическими названиями Центральной и Восточной Анатолии и соседнего Ирана, все эти сказочные названия в турецкой городской повести оказываются как бы вписанными в окружающий реальный мир

В основном они выполняют функцию обозначения неких дальних стран, которые противопоставлены близким городам, знакомым слушателю или читателю повести, подчеркивая именно их «близость» и реальность. Закономерно предположить, что местные реалии чаще распространены в известных городских повестях, чей сюжет является турецким по происхождению (таких, как повести о Сюммани и Гюльпери, об Ашике Гарибе, об Эмрахе и Сельви, об Асюмане и Зейджан). Однако их можно встретить и в тех повестях, сюжеты которых заимствованы из персидской или арабской литературы: например, в повести о Фархаде и Ширин в качестве одного из мест действия выступает город Амасья и Эрзен (Эрзинджан, см также в повести об Асюмане и Зейджан), точно так же, как и в городских повестях, имеющих явное родство со сказкой (таких, как, например, «Шахмеран»), вместе с Египтом, горой Каф, Китаем упоминаются вполне реальные для слушателя или читателя Адана, Бейрут и Дамаск.

В *хикайе* героического типа (к которым, как уже говорилось, относятся повести о Кероглу, «Ильбейлиоглу» и другие) сказочных названий значительно меньше.

Турецкая городская повесть и волшебная сказка часто обладают общими мотивами, которые даже позволяют исследователям причислить сюжеты некоторых повестей к сказочным (например, сюда относится древнейший общетюркский мотив наречения именем). Однако, некоторые из мотивов, общих для волшебной сказки и *хикайе*, реализуются в этих жанрах совершенно по-разному (как, скажем, распространенный в турецко-персидском фольклоре мотив, согласно которому герои влюбляются друг в друга во сне).

Разница между сказкой и городской повестью становится еще более очевидной на примере мотивов, связанных с некоторыми общими для волшебной сказки и *хикайе* персонажами, такими, как Хызыр/Хызр, дэв/див, старуха-колдунья, дракон, Арап/Араб («Арабский пехлеван»,

Арапозенги), Дервиш, Кельоглан и др. Эти персонажи и связанные с ними мотивы появляются в повестях, не имеющих литературного прототипа. В числе мифологических образов, фигурирующих и в волшебной сказке, можно назвать дэвов и пери, однако, в отличие от сказки, в *хикяйе* это, как правило, второстепенные персонажи. Кроме того, они не являются специфически сказочными, но принадлежат всему турецкому (и вообще тюркскому) фольклору, присутствуя почти во всех его жанрах. Поэтому судить по ним о «сказочной» природе городской повести и какой-либо степени ее родства с волшебной сказкой довольно сложно. Наконец, присутствие некоторых персонажей в турецких городских повестях можно отнести к влиянию ислама, а связанные с ними мотивы, сближают *хикяйе* не с волшебной сказкой, а с другим жанром турецкого фольклора — легендами о мусульманских святых и *шехидах* (мучениках за веру). К таким персонажам можно отнести так называемых «сорок святых» (тур. *кырклар*), трех дервишей, дающих выпить «вино любви»; некоторые мотивы, связанные с явлением дервиш-бабы/ Дервиша/Хызыра в облике седобородого старца также могут быть связаны с мусульманской суфийской традицией, а не с волшебной сказкой.

§ 2. Народный театр и городская повесть

Турецкий народный театр *карагез* и городскую повесть роднит прежде всего общность места бытования (городская среда), смешение стихотворного текста и прозаического, а также — зачастую — и общий репертуар. Связь *хикяйе* с народным театром во многом обусловлена и упоминавшимися особенностями бытования городской повести наряду с существованием ее в виде книги, тексты различных *хикяйе* исполнялись рассказчиками, а искусство сказителя-*меддаха* с его особым распорядком исполнения и вообще часто причисляют к жанру народного театра.

Трансформации сюжетов, общих для *карагеза* и *хикяйе*, рассмотрены нами на примере городских повестей (таких, как «Тахир и Зухра», «Фархад

и Ширин», «Керем и Аслы»), ставших основой для театральных пьес *фасль*. В пьесах сохраняются лишь самые основные герои и мотивы соответствующего сюжета городской повести. В то же время сами сюжетные линии могут претерпевать значительные изменения, главное из которых — появление счастливого финала (воссоединение влюбленных с помощью Карагеца и Хадживата), тогда как завершение соответствующего сюжета городской повести всегда трагично. Кроме того, если в городской повести «книжная» лексика маркирует прежде всего близость к литературной традиции (о чем шла речь в первой части исследования), то в устах тех же героев *карагеца* она выполняет противоположную функцию: нарочитая «литературность» речи становится объектом насмешек Карагеца.

Турецкую городскую повесть и народный театр роднит также неоднородность текста: как и в *хикяйе*, в представлении *карагеца* присутствует большое количество поэтических фрагментов — в прологе (*мукаддима*) и в изложении сюжета (*фасле*).

В драматическом изложении сюжета турецкой городской повести сохраняется сама форма стихотворного диалога, и это можно увидеть на примере анонимных авторских пьес, созданных в конце XIX – начале XX вв. по мотивам фольклорных произведений (пьесы «Керем и Аслы», «Хусрев и Ширин»). Если связи городской повести и народного театра (*карагец* и *орта оюну*) прослеживаются достаточно четко, но говорить о преемственности сложно (скорее они существуют на едином пространстве, а *карагец* может служить примером устного бытования ряда сюжетов народной повести), то совсем иначе дело обстояло с турецкой драматургией, которая начала стремительно развиваться с началом эпохи Танзимата. Многие драматурги того периода прямо обращались к турецкому фольклору и ранее существовавшим памятникам литературы, таким, как поэмы Низами и пр.

Наиболее устойчивым элементом текста городской повести при трансформации ее в драматургический фольклорный или уже литератур-

ный жанр оказывается его поэтическая часть — она практически не подвергается никаким изменениям (за исключением смены метра)

§ 3. Пословицы и поговорки в тексте *хикяйе*

В различных изданиях турецкой городской повести неоднократно встречаются различные пословицы и поговорки. Использование этих паремий в *хикяйе* бывает двух видов: пословицы и поговорки в основном тексте повести (где их употребление имеет ситуационную привязку) и пословицы и поговорки в ее начале и в концовке (что обусловлено композиционно).

Как правило, пословицы и поговорки, приводимые в основном тексте *хикяйе*, обязательно маркируются особыми вводными словами, которые как бы демонстрируют их «инородность» по отношению к тексту «известно, что», «как говорится». Подобное оформление отдельных фрагментов текста можно также наблюдать в стихотворных *бейтах*, произносимых героями: они предваряются словами *Aldı [Tahr]*, *Aldı Garıp* ('Сказал [Ашик] Гариб'), *şu beyti soyledi* ('и он произнес такой бейт'). Источником пословиц и поговорок в народной повести, как правило, является не фольклор, а литературная традиция: отмеченные в текстах пословицы присутствуют в «Собрании османских пословиц» (*Дуруб-и Эмсаль-и Османие*), составленном Ибрагимом Шинаси (1827–1871) и изданном в 1280 г.х (1863). Практически для каждой пословицы Шинаси дает примеры ее употребления — как правило, это примеры поэтические, из творчества различных османских поэтов прошлого или же его современников, т.е. в основном его источники являются литературными, а не отражают существовавшую на тот момент фольклорную реальность.

Таким образом, пословицы в турецкой городской повести, как и различные стилистические клише и формульные словосочетания, о которых речь шла в первой части исследования, прежде всего оказываются элементами литературного стиля.

Третья глава «Поэтическая составляющая текста турецкой городской повести»

Как неоднократно нами подчеркивалась, одна из особенностей *хикайе* — сочетание прозаической и поэтической форм. Поэтические вставки сохраняются во всех изданиях текстов турецкой городской повести вне зависимости от времени ее публикации.

Если прозаический текст включает в себе собственно повествование (имеющее свои стилистические особенности, о которых шла речь в предыдущих частях исследования), то поэтические фрагменты текста *хикайе* обычно представляют собой речи героев, обращенные друг к другу. Поэтические фрагменты городской повести в большинстве случаев именуются *бейт*, реже — *тюркю*. Чаще всего стихотворные диалоги героев (а также просто речь героя в поэтической форме) выделяются не только особыми вводными словами, но и на странице оформляются особым образом, если текст городской повести издан в виде литографии.

Ритмическая организация поэтических фрагментов *хикайе*, как правило, основана на традиционной для тюркской народной поэзии силлабической системе стихосложения, обусловленной спецификой строя тюркских языков (как правило, 7-ми, 8-ми или 11-сложники). Хотя с X в. многие тюркские литературы находились под сильным влиянием количественной системы стихосложения (*аруз*), заимствованной у арабов и мало приспособленной к строю тюркских языков, в тюркской и, в частности, турецкой народной поэзии сохраняется силлабический размер, бывший в повсеместном использовании в доисламское время.

Турецкая городская повесть сохраняет в этих поэтических отрывках не только определенное родство с *мани* — турецкими народными четверостишиями, ставшими источником для развития турецких поэтических форм, данные стихотворные фрагменты турецкой городской повести могут быть сопоставлены как с образцами турецкой народной поэзии (стихи Ка-

раджаоглана, *ашика* Сюммани), так и памятниками древнейшей тюркской литературы («Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгарского)

Стихотворные фрагменты являются наиболее устойчивым (и в то же время пластичным, подверженным некоторым вариациям) элементом текста городской повести. При сопоставлении текстов городских повестей, посвященных одному сюжету (например, «Керем и Аслы» или «Фархад и Ширин»), но различного времени издания (от кон XIX в до сер XX в), а также текстов соответствующих драматических произведений, можно обнаружить постепенное исчезновение формульных словосочетаний, тогда как наличие стихотворных фрагментов остается неизменным. Таким образом, основным элементом, указывающим на устную традицию в турецкой городской повести, являются именно эти метризованные отрывки, которые предположительно восходят к общетюркской устной фольклорной традиции.

В *Заключении* подводятся основные итоги исследования.

Турецкая городская повесть — явление сложное и неоднородное как в жанровом, так и в историческом отношении.

Стилистические особенности прозаической части повествования тесно связаны с сюжетным типом турецкой городской повести. В так называемом героическом типе *хикайе* (например, цикл повестей о Кероглу) чаще всего используются формулы смены эпизодов, обращения рассказчика к слушателям; подобные формульные словосочетания, указывающие на ее устное бытование и происхождение, свойственны эпическим фольклорным жанрам. В городских повестях романтического типа нередко стилистические клише, заимствованные из разного рода литературных источников. Данный тип повестей, как показывают различные источники, пользовался большой популярностью среди горожан Османской империи второй половины XIX в и в некоторой степени оказал влияние на турецкую литературную традицию.

Формульные словосочетания и стилистические клише в прозаической части повествования, однако, не являются самыми устойчивыми элементами повести в изданиях турецких городских повестей XX в они имеют тенденцию к исчезновению

Турецкая городская повесть как жанр, существующий также и в устной форме, может быть сопоставлена с другими жанрами турецкого фольклора, имеющими исключительно устное бытование сказкой, народным театром В то же время *хикайе* не может быть полностью отождествлена с волшебной сказкой только на основании сходной сюжетно-мотивной структуры, что позволяет исследователям причислить некоторые сюжеты народных повестей к сказочным. Большинство общих мотивов в этих жанрах реализуются совершенно по-разному

При сопоставлении общих сюжетов городской повести и народного театра *карагез* («Тахир и Зухра», «Фархад и Ширин», «Керем и Аслы»), выявляются определенные трансформации сюжета (например, исчезновение трагической концовки в представлении театра *карагез* или в авторской пьесе о любви Керема и Аслы) и языка (если в городской повести «книжная» лексика маркирует прежде всего близость к «высокой», литературной традиции, то в устах тех же персонажей в *фасле* театра *карагез* она становится предметом шуток), тогда как практически неизменной сохраняется сама форма стихотворного диалога между героями

Именно поэтический элемент в неоднородном тексте турецкой городской повести является наиболее устойчивым на всем протяжении ее существования Если прозаический текст обращается к литературной традиции Ближнего Востока, то поэтический тесно связан с общепюрокской фольклорной, еще доисламской, традицией Поэтические фрагменты являются и наиболее древними в хронологическом отношении частями текста городской повести

Основные положения работы отражены в публикациях:

1 Домусульманские и исламские элементы в картине мира тюрко-огузов (на основе огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута») // *Altaica VII*. М ИВ РАН, 2002 С 7–29

2 Книжные и устные формулы в огузском героическом эпосе «Книга моего деда Коркута» // *Традиционная культура Научный альманах № 2* М, 2003 С 49–57

3 Устные элементы в турецкой народной повести (к вопросу об устной и книжной традиции) // *Altaica IX* М ИВ РАН, 2004 С 15–26

4 Устные и книжные элементы в турецкой народной повести // *Тезисы VI Международной конференции «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций» (Республика Адыгея, Майкоп, 3–6 октября 2005 г)* М ИВ РАН, 2005 С 28–29

5 Элементы древнетюркской картины мира (на примере огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркут») // *Тюркологический сборник 2003-2004 Тюркские народы в древности и средневековье / Ин-т востоковедения Санкт-Петербургский филиал* М Вост лит РАН, 2005 С 6–29

6 *Kinship in the Epic Genres of the Turkish Folklore // Kinship in the Altaic World Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference Wiesbaden Otto Harrassowitz Verlag, 2006 S 19–24.*

7 К истории книгопечатания в Египте Булакская типография // *Египет, Ближний Восток и глобальный мир Сб научных статей* М, 2006 С 116–119

8 Устная и книжная традиции в турецком фольклоре (на материале турецкой народной повести) // *Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, России, Европы Актуальные проблемы и перспективы» 4–6 апреля 2006 г СПб, 2006 С 291–292*

Подписано в печать 29 08.2007 г
Исполнено 30 08 2007 г
Печать трафаретная

Заказ № 649
Тираж: 120экз

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш , 36
(495) 975-78-56
[www autoreferat ru](http://www.autoreferat.ru)